

ПЛЮВМОФИЛ

Я ЛЮБЛЮ ДОЖДЬ,
ПОТОМУ ЧТО В НЁМ Я НАХОЖУ СЕБЯ.

СЕРХАТ ТАНРЫВЕРДИ

Серхат Танрыверди

Плювиофил

«Автор»

2026

Танрыверди С.

Плювиофил / С. Танрыверди — «Автор», 2026

1866 году Виктор Гюго начал серию с романом «Последний день приговорённого к смерти»; он никогда не писал имени героя своего романа. Его казнили на площади, заполненной любопытными людьми. Спустя 37 лет Фёдор, продолживший серию, написал имя героя романа в самом начале. Он дал себе имя в этом мире. Протагонист убил двух человек. Он заставил читателя испытать раскаяние и перемену настроения и отправил его в Сибирь, в ссылку на каторгу. Ещё через 76 лет, после «Преступления и наказания», Альбер Камю своим романом «Посторонний» назвал героя в самом конце и отразил его жизнь, убийство и тюремное заключение глазами самого читателя. Ещё через 81 год (2023) всё началось заново под именем «Плювиофил».

© Танрыверди С., 2026

© Автор, 2026

Серхат Танрыверди

Плювиофил

Плювиофил

Серхат ТАНРЫВЕРДИ

Родился в 1986 году. Писатель, желающий до конца своих дней приносить произведения в мир литературы, считает себя незначительным человеком, поэтому не видит необходимости писать или распространяться о себе.

Другие книги автора:

Глупый политик

Искусственный интеллект и нейротехнологии

КОНЕЦ

Мне хочется поговорить о прекрасном: «Пасмурило». Я снова прибежал сюда, земля вот-вот намокнет, и я ощущу этот запах каждой своей клеткой... Мне было года три или пять, но совершенно точно не четыре. По-моему, была весна, а если и нет, то пусть это будет весна, ладно? Бабочка вспорхнула с ромашки и села на камень возле меня — этот камень был очень ценен для меня; оттуда она снова взмыла в воздух и опустилась на другой камень — и этот камень тоже был очень ценен для меня. Следить за бабочкой стало моим самым важным делом... Я помню, как ощутил щекой ветерок от её крыльев... Когда она стремительно пролетела мимо меня, я решил проследовать за ней. Она влетела в окно; своими маленькими ручонками я с трудом открыл дверь и заглянул внутрь. Там было множество книг — там был весь мир. Снаружи я услышал раскаты грома, начинался дождь. Я бросился бегом к тому месту, где впервые увидел бабочку, и устремил взор в небо — я был безмерно счастлив. Больше я никогда не видел бабочек.

Конец 2

Я сознаю, что пишу «конец» уже во второй раз... Как бы мне ни не хотелось завершения, я пришёл к неизбежному финалу.. Поместите эту часть, пожалуйста, на заднюю обложку книги.. Покупая роман, я всегда первым делом читаю именно это место, впрочем, наверняка так делают все.. На какую книгу ты смотрел перед тем, как взглянуть на эту? Если ты увидел её на полке, то рядом с какой книгой я стою? Каков будет твой следующий выбор книги? Я должен написать здесь какие-нибудь красивые слова, составить впечатляющие предложения. Пусть кто-нибудь научит меня, как это сделать, меня — прожившего всю жизнь так, чтобы не привлекать к себе внимания..

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня кто-то умер. Я видел, как он умер, но не помню этого. У меня также нет никакого представления о том, как именно он умер. На самом деле мне нравится смерть, да и она меня очень любит, но мы с ней ещё даже не на стадии флирта. Могу сказать, что глагол «умирать» очень идёт людям, ведь у него есть свойство сглаживать большинство изъянов этого мира. Мой разум не в состоянии выдержать ещё хоть одно предложение о смерти, поэтому пока я закрываю эту тему; однако я уверен, что сегодня он умер.

О том, что произошло сегодня, в течение почти целого часа знал только я; а прямо сейчас вся страна уже узнала о случившемся и пытается заставить меня забыть об этом. Почему я твержу «сегодня»? Быть может, то, что я чувствую сегодня, произошло вчера. Интересно, повторится ли завтра то событие, что случилось вчера или сегодня? Сколько дней я уже здесь, сколько времени прошло — не знаю, но я своими глазами видел, как он умер. Всё, никаких предложений о смерти. Я не хочу знать о войне, разгоревшейся в моём мозге.

Перед больницей толпится народ, вся страна продолжает обсуждать событие, день которого я уже забыл. Несколько совершенно незнакомых мне людей, возможно, даже не пришли поинтересоваться моим состоянием — быть может, они выбрали этот путь лишь потому, что у них нет с собой кучи денег. Идея о том, что люди сильны благодаря деньгам, продолжает всё сильнее укореняться в моём сознании. На днях... простите, вчера... нет-нет, завтра у меня никогда не было хорошего повода чувствовать себя хорошо.

Сейчас под воздействием таблеток, принимаемых мною, я смотрю на бежевую стену напротив моей больничной койки. Возможно, мне следовало бы подумать о том, кто выкрасил стену в моей палате, как сюда принесли вещи, кто вставил окна, убрать в мысли уставшее лицо врача, дающего мне лекарство, отзывчивость санитарки, меняющей простыни, и птиц, наблюдающих за мной из окна. Но я не могу этого сделать, потому что разум непрерывно возвращает меня к моменту происшествия.

1

Мы впервые встретились с ним на автобусной остановке. Прошло около часа с тех пор, как я, преодолев горы и равнины, въехал в совершенно незнакомый мне город, укрытый снегом. Путь мне предстоял немалый; не будь это зимний месяц, я бы непременно решился идти пешком, чтобы сэкономить деньги, однако в последние несколько дней мои отношения с времена годами как-то не ладились. С трудом таща свою тяжёлую сумку по снегу, я увидел собаку, которая с аппетитом уплетала с земли еду. Мёрзла ли она? Была ли очень голодна? Было ли ей куда идти? Подумав, что если я стану осыпать её вопросами в лицо, у неё пропадет аппетит, я перешёл на другую сторону улицы, чтобы не беспокоить её. Чуть дальше стоял нищий; протянув руки, он возывал к религиозным чувствам прохожих и просил о помощи. Из-за того что я не мог подать ему денег, я лишь виновато опустил голову и прошёл мимо, после чего, словно маленький котёнок, потерявший из-за холода свой дом, тихо укрылся на одной из автобусных остановок. Мне предстояло пробыть в этих краях месяцы, но по пути туда я просто обязан был найти себе товарища. Люди вокруг меня, бродившие группами по четыре-пять человек, уже успели сплотиться друг с другом, оставив меня позади.

Пока я в беспомощности и с невероятной тоской в душе оглядывался по сторонам, рядом со мной сел персонаж какого-то романа. Несмотря на холодную погоду, на его лице не проявлялось ни малейшей мимики; ко всему происходящему вокруг он относился с полнейшим равнодушием. Когда он достал сотовый телефон и погрузился в игру, я стал пристально разглядывать его. По всему его виду было понятно, что внутри он испытывает боль, и, играя в телефонные игры, он пытался хоть как-то отвлечься.

Стоявшая подле него сумка указующе говорила о том, что мы направляемся в одно и то же место. Остановка, под навесом которой мы укрылись, время от времени принимала пассажиров и, с облегчением вздыхая, наполняла ими первый же подъехавший транспорт. Зная, что мы должны добраться до пункта назначения до наступления вечера, я вполголоса сказал сидевшему рядом со мной игроману: «Привет». Когда он повернул ко мне лицо, мне не потребовалось много времени, чтобы уподобить его раскольниковскому образу Достоевского — тому самому, что убил топором процентщицу и её сестру. Он тоже произнёс «Привет» и, сдержанно кивнув странным кивком, снова уставился в свой телефон. Сделав вывод, что говорить со мной

он больше не станет, я принял дружелюбный вид и спросил, как его зовут. Окинув меня беглым взглядом, он ответил: «Омер Сейфеттин». Я назвал своё имя, тоже начинавшееся на букву «О», и улыбнулся, показывая, что рад знакомству. Он лишь поднял руку и тихо пробормотал что-то себе под нос; губы его сжались, брови нахмурились, и я никак не мог понять, что он пытается сделать. Спустя некоторое время мы представились друг другу чуть ближе. Я был ему не нужен, у меня же не оставалось иного выхода, кроме него, ведь идти весь путь пешком мне совсем не хотелось. За проезд заплатил Омер, и так мы добрались до места нашего пребывания. Тем, кто может подумать, будто я корыстный человек, я желаю безденежных дней. У дверей я немного промедлил; во мне не было никакого злого умысла, просто из-за своей извечной лень я не хотел входить туда, где мне предстояло провести долгие месяцы. Когда строгий голос власти потребовал поторопиться, Омер оторвался от своей игры, а я — от романовых героев в своей голове, и мы сделали первые шаги внутрь.

2

Молодых людей, стремившихся наладить контакт с окружающими и завести новых друзей, распределяли по номерам и выстраивали в очередь. К тому моменту как завершились процедуры сортировки, выдача формы, подписание документов и прививки, время уже перевалило за полночь. Едва живые от усталости, мы уснули на своих застеленных синими покрывалами кроватях в тесной казарме. Когда утром мы облачились в выданную одежду, лучше всего она сидела именно на Омере. С защитными уборами на головах, в темно-зелёных рубашках, брюках, с ремнями-потугами и в уставных носках мы теперь стали настоящими солдатами в полном смысле этого слова. Сотни людей в зелёной форме пытались поймать тепло солнца, скрывшегося за облаками. Возможно, это желание ощутить тепло проистекало из тоски по семье. У меня не было необходимости в подобном, однако время тянулось действительно очень медленно. Поначалу я всегда чувствую себя чужим там, где оказываюсь, терплю с невыносимой душевной тоской, но потом расставание с этим местом начинает казаться мне подобным смерти. Поэтому я знал: стоит немного подождать, и я искренне полюблю это место. Поскольку Омер был неразговорчив, я старался общаться и знакомиться с другими сослуживцами. Сам я тоже не особо любил болтать, но эта атмосфера пришлась мне по душе — здесь царило настоящее семейное тепло, по которому я так изголодался.

Омер внимательно прислушивался к тому, о чём говорили вокруг. На шутки он улыбался через силу, а в серьёзных разговорах изредка вставлял краткие, но меткие замечания. Некоторых людей заставляли говорить деньги; даже будучи невеждами, они оставались паразитами, постоянно снискивавшими одобрение окружающих. Другие же генерировали идеи за счёт бесконечной болтовни, а смолкнув, тут же приобретали глуповатый вид. Омер же после многочасового молчания выдавал невероятно разумные и точные фразы.

Ни у кого, кроме Омера, не было телефона. Командиры говорили, что телефон ему разрешён из-за психологических проблем. На построениях и занятиях, пока все беспрекословно исполняли приказы командиров, он лишь время от времени ненадолго поднимал голову от своей игры, оглядывался по сторонам и с невозможным видом возвращался к ней снова. В дни, когда начались занятия с оружием, Омеру его не выдали, и я сам стал верить в то, что он — бесполезный человек с психологическими отклонениями. В то время как мы тщательно следили за порядком на своих койках, он лишь изредка приходил и ложился на свой двухъярусный слой прямо в военной форме и берцах, никогда не надевал спортивный костюм и не спал. В некоторые ночи он приходил под утро, немного отлеживался на кровати, а затем вставал раньше всех нас и продолжал уткнувшись сидеть в телефоне на плацу. О нём ходило множество слухов: кто-то утверждал, будто его подослали из спецназа для нашей защиты, а их оппоненты возражали, мол, этот дурачок, у которого даже оружия нет, никого защитить не сумеет.

Однажды он протянул мне свой телефон. Я был очень удивлён; даже больше, чем сам факт передачи телефона, меня интересовало то, чем он станет заниматься без него. Он попросил меня продолжить играть в военную игру, в которую играл сам. Взглянув на экран, я заметил, что все пишут что-то на иностранных языках, а Омер отвечает большинству из них тоже на разных языках. На мой вопрос о том, что он будет делать без телефона, он дал лишь один короткий ответ и быстро удалился: «Я очень соскучился по Веронике».

3

Он вернулся примерно через час после того, как отдал мне телефон. Когда я спросил, утолил ли он свою тоску, он с улыбкой ответил, что его жена Вероника беременна и что скоро у них родится сын, после чего поинтересовался, есть ли девушка у меня. Я спросил, как он умудрился узнать эту новость, пока телефон был у меня, а он лишь усмехнулся и взглядом потребовал ответа на свой вопрос. Услышав, что у меня никогда в жизни не было девушки, он удивился и посмотрел на меня с нескрываемым изумлением на лице. В то время как я поражался тому, что молчаливый Омер женат, он, должно быть, удивлялся тому, что у такого болтуна, как я, ни разу не было возлюбленной. Слегка иронизируя, я спросил: «Твоя жена что, американка?» Он нахмурился: «Нет, мусульманка из Беларуси». И в этот момент он снова стал похож на Раскольникова — его устрашающий вид заставил меня пожалеть о заданном вопросе. Ростом он был около двух метров, в его чёрных волосах проглядывала седина — полагаю, от всех тех невзгод, что выпали на его долю. Когда он хотел куда-то посмотреть, то поворачивался всем телом и устремлял короткий, но пристальный взгляд своих светло-карих глаз, мгновенно анализируя собеседника. Его сухое лицо сохраняло гармонию между бровями, глазами и волосами; несмотря на то что тело казалось худощавым, кисти рук и стопы были чрезвычайно сильными. Чтобы снова не пожалеть о вопросе, я спросил: «А как назовёшь сына?» Он прищурился и громко произнёс: «Кудс». Я уверен, что когда он закрыл свои сияющие глаза, улыбка в уголках его губ оставалась до самого утра.

5

В эту ночь он сражался словно маленькие палестинские дети, бросающие найденные на земле камни против самого современного и новейшего оружия, и завоевал Иерусалим подобно Саладину. Меня поразило то, что можно настолько любить город, чтобы назвать в его честь ещё не родившегося ребёнка, однако он выглядел настолько счастливым, что у меня из груди вырывалось лишь: «Пусть растёт на радость вам». Пожалуй, мне следовало сказать что-то более душевное вроде «Главное — пусть будет здоров», и, возможно, он ответил бы мне: «Дай Бог, и у тебя будут дети». Но приход нового человека в этот мир не вызывал во мне радости. Не знаю почему... Я был рад за друга, не был несчастен, но жить в этом мире, дышать, делать что-то — насколько всё это вообще имеет смысл? Мы не можем грустить вечно, но и радоваться постоянно не способны: сегодня заливаемся смехом, а завтра можем часами рыдать. С нами постоянно что-то происходит... Почему мы непрерывно обязаны что-то проживать? Впрочем, речь не о моих проблемах. Ты ведь и так не живёшь. Подлежащим в последнем предложении должен быть «ты». Я боюсь говорить о себе, поэтому герой романа должен выступать во втором лице единственного числа.

В первые дни стрельб все шутили друг над другом, прицеливались в самые неподходящие места и пытались стрелять из незаряженных rifle. Я никогда не любил оружие, не любил и ножи. Я не любил то, что приносит вред людям. Оружие, которое я держал, казалось мне неподъёмной обузой. Омер же после вести о скором рождении сына оживился и стал общаться не только со мной, но и с несколькими другими людьми. Казалось, он был не просто отцом

будущего Кудса, а эдаким старшим братом, отцом или защитником для всех нас, укрывающим от внешних угроз.

Когда вся казарма погрузилась в глубокий сон, он снова пришёл снаружи; до рассвета оставалось часа два, и он пытался тихо пробраться к своей койке. Заметив, что я проснулся от шума, он с улыбкой спросил, что бы я сделал, если бы у меня вдруг появилось очень много денег. Обычно, когда меня будят, я бываю раздражительным, однако мысль о возможном богатстве отозвалась спокойствием в каждой моей клетке. Человеческое существо вообще устроено подобным образом: неопределимая сущность под названием «деньги», занимающая столь важное место в земной жизни, лишает всего того, у кого её нет, заставляя лишь имитировать счастье. Говорят, мол, не в деньгах счастье, главное — человечность, в этом мире есть любовь и страсть... Счастье в земной жизни, должно быть, невероятно важно, раз уж все так странно к нему стремятся. Тот, у кого есть деньги, может обладать всем: его слово весит больше, он может влиять на решения, расширять свой круг благодаря силе денег, вокруг него становится больше любящих людей, его считают обладателем высокого интеллекта... И всё же даже они способны утверждать, будто деньги счастья не приносят. Если вы думаете, что я заикнулся на слове «счастье», то ошибаетесь — мне просто любопытно, почему вы все так за ним гоняетесь.

«Если бы у меня однажды появилось много денег, я бы, конечно, помог беднякам и нуждающимся», — ответил я Омеру. Когда он спросил: «Обещаешь?», я в своём самом сонном и глупом состоянии произнёс: «Да, обещаю». В ответ на это он достал из кармана записку и протянул мне: «Открой и прочти её, когда окончится служба. Кто знает, может, ты и вправду станешь очень богатым». Я чувствовал, что он шутит, потому что он слегка улыбался. Пряча записку под подушку, я невольно подумал, что ему мало игр в телефоне, так он решил ещё и со мной поиграть. Мы заснули, даже не подозревая, что утром проснёмся в день своей смерти.

6

Сегодня был важный день: многодневные учения подходили к концу, и мы продвигались от новобранцев до бывалых солдат. Утром большинство из нас проснулось, не дожидаясь, пока разбудят командиры или старослужащие, отдавая тем самым дань дню перехода в статус настоящих солдат. Когда я проснулся от шума, вокруг витало возбуждение вперемешку с облегчением, поэтому каждый очень хорошо знал, что ему делать. Сотни людей, прибывших из разных городов, собрались под одной крышей, сплотившись ради единой цели.

Солдаты, собравшиеся на плацу за исключением одного человека, пребывали в волнении и любопытстве, ведь на присягу приехали и семьи. Пожалуй, в каждом жила радость от того, что спустя долгие дни они наконец увидят гражданских людей. Единственный отсутствующий — тот самый человек — появился, протирая лицо и зевая; усевшись с суровым видом, он принялся разглядывать свой телефон. Не знаю, что было на экране, но я чётко видел тревогу на его лице. На площадке, где царил всеобщее веселье, такое поведение Омера вселило в моё сердце страх грядущей беды, однако, чтобы не портить атмосферу, я старался держаться непринуждённо. Твёрдо зная, что герои романов на мою присягу не придут, я всё же изображал на лице наигранную улыбку, демонстрируя окружающим счастье и волнение.

Нам предстояло доехать до определённого места на машинах, а затем с маршем вступить на плац; к этому всё было готово, включая капитана, старшего сержанта и прапорщика. Спустя пять минут после того, как мы сели в машины, Омер со всей силы и в гневе швырнул свой телефон на пол автотранспорта. Поняв, что произошло нечто неладное, старший сержант остановил всю колонну и побежал докладывать капитану. Радостные солдаты тут же приковали взгляды к разъярённому сослуживцу, пытаясь сообразить, что стряслось. Я ничем не отличался от остальных — мне хотелось схватить его за руку и спросить, в чём дело, но он даже не смотрел на меня. На мгновение я подумал, что они поссорились с Вероникой. Омер поднялся и с резким, исполненным ярости видом вышел из машины. После того как он что-то буркнул

стоявшему напротив капитану, все офицеры и командиры пришли в суматошное движение: начались непрерывные звонки, доклады о seriousness ситуации и запросы экстренной помощи. Было принято решение вернуть всех солдат в часть, и в это время старший сержант окликнул меня, начав всовывать мне в руки то самое оружие, которое я так не любил.

Я не мог ничего возразить командиру, но мне было безумно любопытно, почему, пока все неопытные новобранцы возвращаются в расположение, меня вооружают так, будто я отправляюсь на войну. Отдав честь Омеру, командиры начали удаляться, чтобы целостно и невредимо доставить новичков в часть. На равнине, окружённой сухой травой между двух гор, остались только я и Омер Сейфеттин Шен. Он спросил меня, смогу ли я пронести оружие на себе один километр. Не зная, как обращаться к человеку, которому отдавали честь все командиры, я просто ответил: «Донесу». Меня терзало любопытство: почему он подружился именно со мной, разговаривал, спал в одной казарме? Внезапно я попытался спросить: «Товарищ командир, куда мы идём?» На слово «командир» Омер выдавил из себя улыбку; в этот момент он снова стал похож на персонажа какого-то романа, вот только я никак не мог понять, на кого именно. «Некоторые ребята догадались, что я из спецназа, не забудь поздравить их, когда вернёшься, — произнёс он и продолжил: — Поступали сигналы о том, что на новобранцев этой части готовится нападение. Мы не могли рисковать сотнями наших солдат, кто-то должен был быть среди вас. Всё, что от тебя требуется, — быстро подавать мне оружие и патроны, когда я попрошу, пока не подспеют мои парни. Ни в коем случае не бойся и не паникуй, завалим их всех и вернёмся, идет?» Я оцепенел. На мгновение перед глазами всплыла та автобусная остановка, где я укрылся словно котёнок... Почему среди сотен солдат я встретил именно его и приехал в эту часть? Вполголоса я спросил: «Почему я?», а затем добавил: «Почему не капитан, не сержанты, не бывалые солдаты... Почему именно я?» Мой голос слабел, но Омер слышал каждое слово. Со своим решительным и суровым лицом он снова напоминал персонажа книги: «У других командиров есть семьи, жёны, дети... К тому же они не станут отсиживаться, а бросятся в бой вместе со мной, а я этого не хочу. Что касается новобранцев — они ведь совсем ещё маменькины сынки, мне жаль каждого из них. А тебе нечего терять. Я читал твоё личное дело. Государство, вырастившее из меня спецназовца, могло бы вырастить и тебя, если бы ты присоединился к нам после того случая в детстве. Я выбрал тебя, потому что ты умён и в то же время по-своему сумасшедший. А теперь слушай меня внимательно: мы должны действовать быстро, у нас совсем мало времени». Мои глаза наполнились слезами, мне показалось, будто я вспомнил несколько дождливых месяцев... Откуда он знал о том, о чём я предпочитал молчать, и к чему вообще всё это было? Всё в миг стало мне безразлично. Примерно через пятнадцать минут, услышав приближающиеся звуки, мы заняли позиции. Десятки людей надвигались на нас, но мы и не думали бежать. Новобранцы должны были вернуться в часть, а спецназ — подоспеть к нам на помощь; план был прост — держаться. Омер взял винтовку с оптическим прицелом и тут же neutralized троих тяжеловооружённых целей. Вслед за этим он с молниеносной скоростью начал валить остальных террористов. Приближавшиеся были странными типами с длинными бородами; не знаю, за что они так ненавидели эту страну, но, видно, у каждой страны должен быть свой террорист — такова уж непреложная необходимость существующего порядка. Прежде чем они успели толком засечь нашу позицию и просчитать, откуда летят пули, мы уничтожили процентов двадцать из них. Да, я могу говорить «мы», потому что мне тоже больше не было страшно: терять мне действительно было нечего. В какой-то момент я даже подумал, лишь бы с Омером ничего не случилось — ведь у него жена, скоро родится ребёнок, и будет куда правильнее, если здесь погибнет кто-то одинокий вроде меня. Спустя минуты они вычислили наше место и открыли шквальный огонь. Пусть я ни в кого и не попадал, но тоже начал стрелять. Хотя Омер, защищая меня, кричал: «Не высовывайся, будь осторожен!», ситуация окончательно выходила из-под контроля. Омера ранило в плечо; он на мгновение замер, боль на лице сковала всю его мимику. Чтобы показать, что он ещё жив, он

сделал несколько беспорядочных выстрелов, после чего выпрямился и продолжил брить точно по целям. Ручные гранаты, дымовые пашки — он владел всем с величайшим мастерством, сражаясь в одиночку, как целая армия. Из-за поднявшегося дыма и пыли мы уже не знали, сколько их осталось, облик врага окончательно скрылся из виду. Наши боеприпасы подходили к концу. Я начал досадовать на себя: эх, будь я немного сильнее, смог бы унести больше патронов... Омер поднялся, выдернул чеку ручной гранаты и с последним оставшимся патроном ринулся прямо в завесу дыма и пыли. Он умчался, не сказав мне ни слова, — быть может, рассчитывал вернуться. Звуки оружия и человеческие крики нарастали; свист пуль сменился глухими ударами ножей и кулаков. Спустя какое-то время затихли и они, а пыль стала медленно рассеиваться. Когда наступила полная тишина, я выбрался из своего укрытия. Не знаю, почему я не вышел вместе с Омером: струсил ли я, сказывалась ли неопытность — я был не в состоянии думать. Когда я нашел Омера, на нём не осталось живого места. Взвалив его на спину, я дотащил его до позиции. Он не дышал; лишь в уголке его губ застыла лёгкая улыбка. Теперь он больше не был похож ни на одного из персонажей романов. Он был героем, павшим за людей той страны, в которой жил.

7

Становится ли человеку легче, когда он расскажет или напишет о чём-то? Я знаю некоторых болтунов, у которых чем больше они говорят, тем сильнее развязывается язык, но вот вылить всё, что накопилось внутри, вытащить наружу — это, должно быть, совсем другое. Если бы я использовал технику повествования и вы бы наглядно воображали всё в голове, будто смотрите видео, описание всё равно получилось бы незавершённым. А если бы я принялся описывать подробно, то израсходовал бы кучу прилагательных и сравнений, заполнив страницы множеством лишних слов. В наш век люди хотят получить всё и сразу — я, конечно, не против этого, но падение героя за нас — это не то, о чём можно легко поведать, просто выучив алфавит и составив предложения из слов.

На своей больничной койке я читаю роман, который медсестра принесла для собственного досуга. Мне нужно хоть как-то развеять мысли в голове. Возможно, когда я выйду отсюда, я просто порву и выброшу то, что написал в этой тетради. Кому вообще есть дело до того, что Омер погиб? Почему люди воюют друг с другом с самого основания мира? Неужели тот, кто побеждает в войне, искренне счастлив оттого, что убил множество людей? Говорят, мол, идет война между добром и злом, но кто вообще решает, что зло — это зло? Сколько войн развязали все эти лидеры и их прислужники, ставящие себя выше народа, лишь бы укрепить свою власть? Я устал от людей.

Новый роман — новая жизнь; читать романы уже умерших людей и проживать их эпоху — самое разумное, что я сейчас делаю. Заметьте, я не сказал «действие», а использовал синоним, потому что от чтения романов мои языковые навыки немного улучшились. Надеюсь, медсестра не заметит, что я спер её роман, ведь мне безумно надоело смотреть на эту бежевую стену. На стене висит штукавина, которую называют телевизором — до чего же бесполезный прибор. Впрочем, не смотрите на то, что я так говорю: иногда я и сам его смотрю, но прямо сейчас он кажется мне лишним. Если уж я вобью себе что-то в голову, то буду беспощадно это чернить и пытаться вызвать отвращение у всех вокруг. Больница окончательно расшатала мою психику: в иные моменты я заливаюсь хохотом, а иногда мне кажется, будто я вспоминаю чью-то смерть, хотя понятия не имею, кто и когда умер. Освободите меня отсюда, *s'il vous plaît...* Эх, французские писатели конца девятнадцатого века, это вы вложили данное словечко мне в лексикон.

8

Интересно, сколько из тех людей, которых я видел всего лишь раз в жизни и с кем разговаривал пару минут, уже мертвы? Существует огромное количество людей, которых уже нет в живых, но я об этом никогда не узнаю. Следуя этой логике, могу ли я считать мёртвыми всех тех людей, которых больше никогда не увижу? И кто может помешать мне думать именно так? Я сознаю, что слишком много говорю о смерти, но если мы не будем говорить о смерти в этом мире, то где ещё нам обсуждать её? К счастью, пришло время покинуть больницу, иначе от этих разговоров о смерти в больничных стенах дурно стало бы если не вам, то мне. Хотя я бы предпочёл, чтобы дурно стало вам, а не мне, ведь и вы пожелали бы мне того же самого. Человек ведь уникален, полон любви, однако при малейшей невзгоде на фоне множества прожитых радостей он тут же начинает бунтовать против веры внутри себя и задаваться вопросом: «Почему я?»

Поскольку я держался со всеми холодно, больничный персонал тоже провожал меня холодными взглядами. На самом деле я не такой: если бы со мной заговорили, я бы ответил... Полагаю, все они были слишком заняты и устали, так что времени на болтовню со мной у них попросту не было. И всё же таково человеческое естество — оно неизменно ждёт хотя бы капли внимания и заботы, где бы ни оказалось.

После выписки из больницы меня снова забрали в армию. Здесь меня начало накрывать ещё сильнее, потому что время тут в буквальном смысле застыло. Вот если бы меня перенесли куда-нибудь в прошлое, чтобы я пожил там и умер — например, будь я сейчас уже мёртв: пожил себе, умер и всё, фух! До чего же умиротворяющая фраза. Надеюсь, я прожил хорошую жизнь. Интересно, сколько дней мне ещё осталось до конца службы?

9

Служа в армии, ни в коем случае нельзя ни с кем вступать в перепалки: стоит вам совершить ошибку и с кем-то поссориться, как вы обречёте себя на то, что время потянется ещё медленнее. А вот если к вам приедет кто-то из близких, считайте, вам повезло — тогда минуты летят как вода. Последнее я на себе не испытывал, но много слышал о подобном от окружающих. После моего последнего «подвига» меня больше не отправляли на опасные задания. Как и любой другой солдат, я снова стал самым обычным. По мне, так я всегда им и был, но слова командиров о том, что они гордятся мной, всё же искренне меня радовали. Быть любимым и уважаемым в незнакомом или новом месте — особый вид чувств.

Сколько бы люди ни твердили, что им плевать на подобное, я уверен: это приятно абсолютно каждому. Представьте себе: в месте, где у всех раскосые глаза, вы обладаете иным разрезом глаз — когда вы идёте по улице или делаете покупки, все взгляды прикованы к вам; или же там, где вокруг одни блондины с светлыми глазами и белой кожей, вы являетесь кареглазым брюнетом — я уверен, ваше эго взлетит до небес. Здесь же ко мне относились с уважением как к человеку, который сражался плечом к плечу с бойцом спецназа, вынес его с поля боя и поделился ценными сведениями. И это продолжалось до самого окончания моей службы. Не будь всего этого — то есть не познакомься я вовсе с Омером, — я бы просто забился в угол и ждал демобилизации, ни с кем не вступая в контакт, ведь именно это у меня всегда получалось лучше всего. Я уверен, что действовал бы крайне профессионально: никто бы даже не заметил разницы между моим присутствием и отсутствием. Возможно, я бы укрылся в чьей-то тени, управлял им с помощью своего ума и руками этого человека добивался желаемого, ведь сам я никогда не был и не смогу быть героем.

Я робею перед людьми: некоторые из них настолько умны, что тут же доказывают обратное сказанному мною, проявляют свою индивидуальность и буквально утирают мне нос правдой. До сих пор не пойму, как они способны так быстро соображать и столь же молниеносно отвечать. Иные прекрасно держатся на публике, обладают мощным ораторским искусством и на любую тему могут подобрать убедительные слова. Есть и те, кто выделяется, говоря кратко и по делу. Я же слишком легко верю всем людям — и мне кажется, дело тут не в моей наивности,

а в таланте этих людей. Не может же быть только моей виной то, что я считаю правым человека с высоким даром убеждения. Некоторые люди застенчивы, не умеют толком выразить себя и сдаются при малейшем проявлении грубости — и они по-своему невероятно правы. А кто-то просто ужасен: их мысли корыстны, они сплетники, завистники... Впрочем, вы и сами знаете себя лучше, чем я.

Люди моего поколения, пожалуй, именно таковы. Надеюсь, в будущем не будут жить ещё более скверные люди, которым пришлось бы краснеть перед предками. Всё развивается настолько стремительно — наука, знания, технологии, — что за этим просто не поспеть. Порой я страшно боюсь, что моего уровня интеллекта не хватит, и меня обведут вокруг пальца, заставив делать всё, что им вздумается. В день окончания службы я решил ринуться в трудовую жизнь. Верю, что мои наблюдения за людскими характерами мне помогут, ведь после армии пришло время найти работу с постоянной занятостью. В анкетах на вопрос «Проходили ли вы службу в армии?» я теперь могу смело ставить галочку «Проходил». Найдёте мне хорошую работу? Чтобы работать часов 30 в неделю, суббота и воскресенье — выходные, с высокой зарплатой и в окружении хороших людей... Чтобы физически я находился на рабочем месте, но душой пребывал в прочитанных романах, предаваясь одной фантазии за другой; чтобы никто не задавал мне вопросов, а в конце месяца зарплата падала на счёт и её вполне хватало на жизнь. Думаю, мы договорились.

10

Я не знаю, в каких местах работаете вы, да и, честно говоря, не особо интересуюсь, но искренне желаю вам работать в хорошем месте. Знаете, бывает так: придёшь на работу, а хозяин или управляющий — прекраснейший, душевный, честный человек (такие, конечно, в абсолютном меньшинстве), зато сотрудники в таком месте друг друга терпеть не могут. Каждый норовит быть ближе к боссу, роет другому яму и мечтает уволить сослуживца. В другом же месте коллектив замечательный — искренние, отзывчивые, улыбочивые люди, — но зато босс или управляющий оказывается каким-то абсолютно неадекватным самодуром. Ну а если и хозяин, и сотрудники дрянь, то тут уж совсем хоть караул кричи. Словом, идеального нет нигде, везде найдётся своя проблема. Не знаю, как в вашу эпоху и в ваших краях, но в моё время и в моём геополитическом пространстве лишь единицы работают по своей настоящей специальности. По неизвестной причине каждый индивид в обществе мечтает стать сказочно богатым: все хотят быть либо управляющими, либо владельцами заведений, либо неустанно мчаться к успехам на совершенно иных поприщах. Да проживи человек на этом свете хоть тысячу лет, он всё равно не успеет удовлетворить все свои желания и страсти.

Причина, по которой я начал предыдущий абзац с обращения на «вы», кроется в том, чтобы вы нашли мне хорошую работу. В этом мире без связей или родственников найти хорошее место практически невозможно. Если ты работаешь в прекрасном месте и не берешь меня к себе, я тут же перейду на «ты», а взгляд у меня, уж поверь, очень тяжелый — сглажу, и ты потеряешь абсолютно всё.

Я нашёл великолепную работу с видом на Стамбульский пролив. Перед выходом из дома мне даже удалось выгладить брюки так, чтобы стрелка не двоилась. В глажке рубашек я вообще мастер, тут сложностей не возникло, а уж когда я повязал галстук, переливающийся множеством оттенков, то стал ну просто красавцем. В таком наряде я вполне мог бы прийти на рабочее место и выполнять работу директора, мог бы управлять заведением получше любого его хозяина, мог бы сидеть с друзьями за интеллектуальными беседами куда изящнее местных клиентов... Вот только войти через двери для посетителей мне не разрешили. Служебный вход, оказывается, в другом месте — перепрыгнув через зловонную лужу, я прошёл через грязную дверь и, шагая по неосвещенному коридору, сказал «здравствуй» своей новой работе.

Поверх моей свежееотглаженной одежды мне нацепили бесформенный фартук одного из прежних работников. Вокруг тут же засновали люди, работавшие как пчёлы, а доносившиеся из зала взрывы хохота и оживлённые беседы клиентов ясно дали понять, где моё истинное место. Я принялся мыть вилки, ложки и тарелки, которые официанты с трудом приносили и сгружали передо мной как попало. К некоторым блюдам даже не притронулись — их я счищал в мусорное ведро по соседству. Другие были съедены наполовину, а сверху навалена другая еда. Третьи были завалены салфетками, впитавшими цвет чьих-то только что утертых губ — их я тоже отмыл. Человек, когда ест или заканчивает трапезу, совершенно не задумывается о том, что всё это потом отмывает другой живой человек... И надо же было такому случиться, что сегодня этим человеком оказался я. На самом деле немного денег у меня было — я даже открыл и прочёл записку, которую мне дал Омер: там была куча всякой белиберды, похожая на множество вложенных друг в друга файлов, а буквы внутри не складывались ни в какой смысл. Да, немного денег у меня имелось, но чтобы жить дальше, нужно было заработать ещё. Я проголодался, мне даже захотелось кое-чего из той еды, что я счищал в утиль, но есть то, к чему прикасался или на что смотрел кто-то другой, было выше моих сил. Когда все насытились, выпили свой чай и кофе, перебрали все разговоры и выкурили лучшие сигареты под восхитительные напитки, я перемыл всю эту посуду, а в самом конце вымыл везде полы. Ресторан сегодня был забит до отказа, хозяин загреб кучу денег. Пересчитывая сегодняшнюю выручку, он пребывал в отличнейшем расположении духа, вот только людям чем больше достаётся, тем большего хочется. Они хотят продавать меньше, а зарабатывать больше. Хотят держать минимум персонала и получать от него максимум отдачи. Вот и я сегодня проработал больше, а получил меньше. Я знал, что хозяин делает на нас отличные деньги, знал и то, что он недоплачивает нам честно заработанное, но, подумав, что хоть так он счастлив, просто смирился. Этих денег мне хватит на день-два. Передаю привет всем, кто не нашёл мне нормальную работу. Я себя ненавижу.

11

Романы, еда, напитки, одежда — всё, на мой взгляд, стало безумно дорогим. Некоторые богачи искренне удивляются, как бедняки выживают на свои гроши, а некоторые нувориши и вовсе заявляют, будто беднякам их заработка хватает с лихвой. Я могу жить на улице, спать там же, могу не есть днями, могу стирать и носить одну и ту же вещь, пока она не превратится в рваньё, но вот без чтения романов я просто не могу дышать. На деньги, заработанные мытьём посуды за богачами, я купил несколько романов из мировой классики. Произведения, написанные в прошлом при свече и в тяжелейших условиях, стоят на голову выше современных романов. Весьма вероятно, что и книги нашей эпохи окажутся превосходящими литературу будущих поколений, ведь человечество продолжает неизбежно деградировать или развиваться. Мысленно попросив разрешения у всех авторов, я решил, какую книгу прочту первой, а какую оставлю напоследок, раскрыл первый роман и с умиротворением погрузился в чтение. На первой же странице я наткнулся на биографию писателя, оценил эпоху, в которую он жил, позавидовал ему, а повернув страницу, прочёл жизнеописание какого-то человечка, переведшего произведение этого французского автора на язык нашей страны. Я так и не понял, какое отношение это имеет к самому роману. Интересно, знает ли сам автор, что в начале его книги поместили чужую биографию? Что бы он сказал, узнай об этом? Какая дерзость! Перевёл, получил свои деньги — ну и ладно, но зачем ты заставляешь меня читать в начале книги твоё жизнеописание? Я вполне мог обойтись и без знаний о тебе. Ты что, хочешь затмить самого писателя? В чём твоя проблема, человечек? О чём вообще этот роман? В каких условиях он писался? Кто знает, может, его годами не могли продать, чем-то жертвовали ради издания... Большинство авторов умирали в нищете, так с какого перепугу я должен знать биографию переводчика? Нет, ну какую пользу это принесёт моей жизни? Я уважаю этот труд, ладно, дело не из лёгких: ты перевёл, познакомил свою страну с автором, можешь скромно черкнуть

внизу «переводчик такой-то» — это твоё право, но зачем мне читать всю твоё жизнеописание? Чтобы почитать мировую классику, я переворачиваю вторую страницу — и посмотрите, что меня ждёт! Вступительное слово! Естественно, его я бегло пролистал — поймите уже наконец, никто этого не читает. Умоляю, не отбивайте у нас охоту читать книги, мы и без того не самый читающий народ. С самого начала я, как читатель, столкнулся с кучей препятствий, хотя мне нужно прочесть страниц тридцать-сорок только для того, чтобы просто втянуться в роман. Я в любой момент могу бросить чтение: вдруг мне не понравятся персонажи, или я не найду там отголосков собственной жизни — зачем мне тогда вообще читать? Если продержусь до сотой страницы, то, пожалуй, продолжу — хотя это касается только толстых романов, в коротких произведениях предел терпения по количеству страниц куда ниже. В каждом романе я путешествую в иной мир и время, но об этом я сейчас распространяться не стану. Мне нужно читать меньше страниц, меньше поддаваться чарующему миру героев, находить работу и зарабатывать деньги — а на остальные заработанные гроши, может, купит себе хоть какой-то еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.